

КОСТРЫ ТАЙМЫРА

Теплые весенние ветры съедают заструги в тундре. Первые робкие ручьи разрезали целинные снега. Далеко у горизонта, за Мунгуем, светит мирный огонек рыбацкого становища. Там — родина Ивана Надера. Эти снега изъезжены и исхожены им на многие десятки верст вокруг.

Нет в тундре гранитных обелисков с Вечным огнем. Но если в полярную ночь летишь на вертолете над бескрайними далями Енисейского низовья, словно отраженные в океане звезды, светятся внизу костры зимовий оленеводов, охотников, рыбаков. Гаснут и вспыхивают вновь, обозначая маленький жилой оазис в тундре, ведь огонь, тепло — это жизнь. И в каждом из этих огней есть частичка тепла его сердца.

Из воспоминаний Петра Спиридоновича Болина, одного из первых ненцев-большевиков:

«Много дорог изъездил я по снежным далям Таймыра, много вечеров провел в чумах, рассказывая своим землякам о ленинской правде. И видел, как богачи стараются задушить каждое большевистское слово. Все охотники и оленеводы знали, как расправились князья Сотниковы и Тася Силкин с бедняком Николаем Ямкиным, который отказался батрачить на них. Связанного Николая подвесили над костром и полчаса держали на огне... Но свет ленинской правды доходил до самых далеких становий. В 1922 году батрак Иван Надер собрал всех, кто решил жить по-новому. Батраки и бедняки постановили послать в Дудинку и Туруханск заявление с просьбой организовать Советы в тундре, чтобы освободиться от власти князей. Узнали об этом князья и снова решили устроить огненный суд. Схватили Ивана, связали его и привели к костру. Но на этом суде Иван был непреклонен и тверд. Богачи требовали, чтобы Иван публично раскаялся. То, что ответил Иван князьям, потом долго передавалось из уст в уста в тундре: «Ничто не сломит нас. Сегодня нас пытаются, а завтра мы победим. Есть в Дудинке большевики, Советская народная власть!»

Никогда раньше бедняк не смел говорить с князем таким тоном, и все, кто присутствовал на этом суде, встали на защиту своего девятнадцатилетнего вожака.

Всю свою жизнь потратил Иван Надер, чтобы ненцы, долганы, нганасаны освободились от кабалы богачей и шаманов и вышли на дорогу новой жизни. Сначала—член Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, потом — коммунист, партийный работник, Иван Надер воспитывал в себе качества настоящего большевика. Сохранился текст его выступления на одной из предвоенных сессий окружного Совета:

«Весь опыт, все свои знания,— говорил Надер,— я, воспитанник Советской власти и партии, отдаю общему делу, борьбе за освоение Арктики, за превращение Таймыра в передовой развитый округ Советской страны. Это — цель моей жизни!»

Через двадцать лет сын Ивана Надера, Владимир, журналист, а потом учитель и комсомольский работник в красном чуме в Мунгуе, напишет: «Мой

отец был замечательным большевиком. По рассказам многих людей, в годы коллективизации он являлся борцом против кулаков в Усть-Енисейском районе».

Именно в это время усилился приток в комсомол выпускников школ и интернатов, молодых колхозников. В Усть-Енисейском районе к 1938 году насчитывалось триста комсомольцев. Вожаками национальной молодежи стали Ватя Ядне, Миша Лырмин, Сема Каргаполов. Все они героически погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Тогда многие таймырские семьи получали извещения от военкома. В народе их называли коротко и горько: похоронки.

«Прошу известить гражданку Надер Валентину Помкаевну, проживающую в селе Караул, о том, что ее муж, командир отделения, младший сержант Надер Иван Николаевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге,, проявив героизм и мужество, погиб 15 июля 1944 года и похоронен с отданием воинских почестей на северо-восточной окраине села Луковец Львовской области...»

В Таймырском окружном краеведческом музее у стенда «Таймырцы — участники Великой Отечественной войны» научный сотрудник Людмила Георгиевна Доровских рассказала:

— Наверно, вы обратили внимание, читая нашу окружную газету «Советский Таймыр», что в ней часто появляется рубрика «На конкурс имени Ивана Надера». Вот здесь, на стенде, представлены некоторые документы, рассказывающие о подвиге одного из первых таймырских коммунистов 40-х годов Иване Николаевиче Надере. На территории Таймыра войн никогда не было. И поэтому для северных народностей Великая Отечественная была первой войной, в которой они приняли участие. И хотя представители малых народностей не подлежали мобилизации, они шли в военкомат и просили направить их на фронт. Долганы Рябов и Поротов писали: «Просим зачислить в действующую армию. Желаем защищать западную границу. Просим не отказать». Иван Надер тоже ушел на фронт добровольцем. И вот здесь, на стенде, вы видите две памятные медали, присланные в адрес Таймырского окружкома партии и окрисполкома от ЦК Компартии Украины, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Украинской ССР. Имена героев не забыты, героев, в числе которых и наш земляк Иван Надер, погибший на Львовщине, защищая украинскую землю...

Из наградного листа Надера Ивана Николаевича:

«Тов. Надер в период наступательных боев 15 июля 1944 года при отражении контратаки противника, когда в роте получилось замешательство, ринулся вперед на врага с призывом «За Родину!» Бойцы, воодушевленные храбростью и мужеством тов. Надера, успешно отбили контратаку противника, после чего рота перешла в наступление. При дальнейшем наступлении роты тов. Надер заметил станковый пулемет неприятеля, который не давал возможности продвигаться вперед. Он незаметно для гитлеровцев подполз к пулемету и гранатой уничтожил его вместе с расчетом. Тов. Надер в этом бою погиб смертью героя.

Достоин награды — ордена Отечественной войны II степени — посмертно. Командир полка майор Андриевский».

Когда разорвалась граната и столб дыма и пламени вырос из-под земли, он

был еще жив. Сердце еще билось, а перед глазами встал тот, горячий, обжигающий лицо кулацкий костер двадцать второго года. Боец, подхвативший на руки командира отделения, казалось, услышал, как он, разжав воспаленные губы, прошептал: «Ничто не сломит нас... Сегодня мы не взяли, завтра — победим...»

Теплые весенние ветры съедают заструги в тундре за Мунгуем. Первые робкие ручьи разрезали целинные снега. Далеко у горизонта светит мирный костер рыбацкого становища. Тихо в тундре. И только чуткое ухо уловит песню, что поют у огня ненцы рыбаки. «Сава се» — называется песня. О чем это? О новой жизни, что пришла в страну вечного снега, об удачной охоте, о счастливых детях, о радости труда, свободного, раскованного. И в светлой этой песне всегда есть трагическая нотка — никогда не забудутся те, кто своей кровью окрасил снежную белизну, и тогда костер, как живое существо, словно поняв, о чем поют люди, выплеснет в небо длинные багровые языки.

* * *

Февральский наст плотен, и резкие заструги обшаркивают ледяными наждаками лыжи. Тридцатикилометровый переход изматывает. На подходе к зимовью ты уже хватаешь губами снег и бросаешь тяжелый мешок на снежный бугор.

Пожалуй, только здесь, на обрывистом берегу озера, поросшем старыми лиственницами, ольшаником и смородиновыми кустами, в тиши не, которую нарушают лишь лай песцов, квохтанье куропачей, а по ночам шепот звезд, можно привести в порядок свои мысли.

Печь горит ровно. Слегка пахнет дымом. В подсвечнике причудливо оплывает свеча. Душа успокаивается. Пальцы перебирают старые записи, и сердце внимательно всматривается в дали памяти.

Вспоминается недолгая встреча в Усть-Портовском сельсовете. Почерневший от ветра и дыма тундровик сидел в бухгалтерии, молча потягивая «Беломор», ожидая секретаря. Привлекали его собранность, достоинство, с которым он отвечал на приветствия заходивших людей. Яков Пальчин родился в четырнадцатом, в год начала первой мировой. Детство было нелегким: семья большая. Летовали часто на Кислом мысу, где Большая Хета просачивалась сквозь сырые мшаники. Комариные тучи, как пепельные клубы от брошенного в костер полена, зависали над оленем» и человеком.

Зимой часто голодали. Яков знал, что такое холодный пот, проступающий на морозе от слабости, когда пальцы устают держать пешню и человек качается над майной, как тальниковая ветка от хиуса.

Далеко от Малой Хеты, за тысячу аргишей зажгли русские Большой костер. Давно зажгли, когда на подошвы бокарей для охотника Яшки нужно было всего два оленьих камуса. Подрос Яшка, стал Яковым Пальчиным. Разгорелся вовсю Большой костер. Чувствует его жар каждый тундровик. Пламя этого костра сердце обнимает. Горячи удары сердца. На каждые три удара одно слово: «Ком-со-мол».

Не любят волки огня. Не любят двуногие волки этого слова. Уводят в глухомань стада оленей, увозят награбленное добро, а холодными ночами кружат их стаи вокруг стойбищ — жди пули из винчестера, удара узким ножом в

спину или просто петли.

Рассказывали старые люди, как песня-парень из Дудинки Женька Солодов по авамской тундре ездил. Всех молодых на собрание звал, учил капканы на двуногих волков ставить. Выследили его. Повалили на снег. Руки скрутили маутом. Сначала били, а потом—веревку вокруг шеи и за два конца в разные стороны стали тянуть...

Горячи удары сердца. На каждые три удара одно слово: «Ком-со-мол».

Плавилось над Женькой холодное полярное солнце. Сердце перестало петь. Упал песня-парень на истоптанный снег.

Шел, задумавшись, Яков Пальчин. Скрипели по насту голицы, лыжи-самоделки. Дымил мороз над заснеженными островами и протоками. Спешил Яков в поселок Малая Хета. Собирались там все, у кого были сердца горячие, а руки потрескавшиеся от ветра да побитые мозолями. Решили объединиться в колхоз. И название ему придумали: «Большевик».

К устью Малой Хеты по Енисею медленно шли упряжки.

«Видать, Семен Романович Ямкин со своей семьей,— думал Яков,— и Николай Лырмин, верно, уже в поселке, и Петр Болин там».

В рваных малицах, потертых бокарях, затаятся махоркой, посмотрят друг на друга и будут думать как делать новую жизнь.

Война застала Якова Пальчина секретарем Усть-Енисейского райкома комсомола. В 1942 году тундра буйствовала зеленью, в протоках Енисейского устья играли в плесах нельмы. Песок на отмелях был теплый, и казалось, во всем мире такая же добрая тишина. Но эхо сводок большой тревоги долетало до стойбищ. Пальчин ушел добровольцем на фронт.

Второго августа 1942 года Яков Михайлович был уже в Ленинграде. Раскаленные камни излучали упругие горячие волны. Август был жарок и неподвижен. Все молчало в ожидании самого страшного. Но в движениях людей не чувствовалось ни усталости, ни суеты. Над городом Ленина нависла блокада.

Он попал в разведку. Легкий, подвижный, не знающий усталости, он сразу же привлек внимание командира роты. В разведке пробыл месяцев пять.

Вражеский тыл. Группа захвата. Вжимаясь в снег, четыре бесшумные тени скользили по минному полю к траншеям противника. Уже казалось, удача протянула руку. Обошли с тыла блиндаж и затаились. Немцы заметили легкое движение за блиндажом. Граната разорвалась неожиданно. Одного из разведчиков бросило на снег, он больше не поднялся. Яков Михайлович почувствовал, как стала неметь нога. Из свинцовой ловушки выходили тяжело. Прикрыли огнем свои — иначе бы не выжить. Лежал шесть месяцев. Госпиталь располагался в здании педагогического института народов Севера имени Герцена, в Ленинграде, в том здании, где до войны учились такие же, как он, парни и девчата из оленеводческих и рыбацких стойбищ: чукчи, якуты, ненцы. Яков Пальчин знал, с кем и за что сражается. После госпиталя его пальцы сжимали рукоятки «Максима». Страх не было, это была тяжелая, опасная, изматывающая солдатская работа. В роду Пальчиных были мужчины, которые умели всадить нож в поднывшего на дыбы медведя.

Бои были затяжными и упорными. На улицах ленинградского предместья у костров грелись бойцы, разорвавшие кольцо блокады, грелись, сжигая ящики из-под снарядов, обломки телег. Сгорела доска с надписью резким готическим шрифтом «Петербург — 29 км.» Смотрел на нее и грел озябшие ладони кавалер

ордена Красной Звезды пулеметчик Яков Пальчин.

И снова бои — уже на территории Польши. Перед наступлением отдыхали севернее Варшавы. 24 февраля 1944 года войска Второго Белорусского фронта прорвали главную полосу обороны противника и овладели городом Прито-Фридлин. Так начался разгром восточно-померанской группировки противника. 3 марта в Померании было уже тепло. Пахло горечью взрывов и весной. Враг был силен, но хребет его уверенности был уже перебит. Земля кипела от взрывов.

Пулеметный расчет работал ритмично и жестко, прижимая немцев к мартовской грязи. Мины ложились ближе и ближе. Вилка... От следующей мины уйти не успели. Осколок секанул по колену и ушел в землю. Это было вечером 3 марта. Очнулся Яков Пальчин утром на ничейной земле. Бой затих. В соседней воронке стонал незнакомый солдат. Они выбрались, когда снова стемнело. Яков Михайлович так и не увидел своего соседа в лицо. Снова госпиталь и уже надолго.

День Победы младший сержант Яков Пальчин встречал в госпитале, в подмосковном городке Комсомольске. Домой вернулся с солдатским вещмешком, прихрамывая на левую ногу, награжденный еще двумя медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Озера затянуло ноябрьским льдом. Шла таймырская холодная осень 1945 года.

Пяся Семен — не вернулся. Лымин Иван — не вернулся. Не вернулся Федор Комаров и Николай Силкин...

Догорела свеча в зимовье на озере Нянгута. Железная печурка раскалена, и свет розовыми полосами ложится на раскрытый блокнот. Яков Пальчин... Мысли о нем, о его товарищах, о его поколении. Мы — дети тех, кто выжил и победил. Но осколки, которые носят в себе отцы, никогда не покроются ржавчиной в нашей памяти.

* * *

Из небыли возникает песня. А может, из были? Она плывет, покачиваясь, над длинными снегами, как дым костра в мороз и безветрие. И огонь протягивает к песне свои горячие руки, и люди согревают ее дыханием.

Сидор Алексеевич Чуприн, потомственный оленевод, сын потомственного оленевода, родился в советское время. Ему сейчас сорок шесть лет. Без малого тридцать из них отдано работе. На севере Хатангского района его имя произносят с уважением — все эти годы руководит он передовой комсомольско-молодежной оленеводческой бригадой. К нему со всего округа едут перенимать опыт.

Только тот, кто хоть однажды кочевал с оленеводами по тундре, проводил с ними тревожные недели северной страды — отела оленей, сутками не спал, ухаживал за слабой оленихой, может понять, чего стоит этот труд.

И видится, как там, в долине реки Джекуньи, среди лиственничного редколесья, не торопясь, объезжает он свои многокилометровые угодья, в заиндевевшей парке, на легко летящей, самолично сработанной нарте, крепко сжимая звенящий на пятидесятиградусном морозе хорей. Видится, как не торопясь, за чашкой крепчайшего чая толкует он со своими ребятами — «говорку держит».

Всякое бывало за тридцать лет работы. Отбил как-то «дикарь» две сотни

олений от стада Чуприна и погнал их в лесотундру. Упусти тогда бригадир хоть мгновение, суровый ответ пришлось бы ему держать перед дирекцией совхоза, товарищами, а главное — перед самим собой. А ведь раздавались голоса: «Куда ты собираешься, Сидор? Не твои ведь олени! Если дикий увел, нет важности пути обратно...» Ничего не сказано бригадир, сверкнул только угольками глаз, взял с собой двух молодых пастухов и... только жесткий снег брызнул из-под нарты. По два, по три, по десятку оленей, отставших от бешеного галопа «дикарей», собирал Чуприн по немеряным верстам тундры. На стоянку вернулись похудевшими, черными от усталости, но счастливыми: всех оленей вернули в стадо.

Может, с тех пор и кочует по тундре ставшее нарицательным выражение «чупринский характер»?

Мы встретились в Дудинке. Вспомнили общих знакомых — оленеводов и охотников из Сындасско и Попитая.

Почему-то сразу заговорил он об отце:

— Всему начало есть. Моя тропа вдоль отцовской дороги пошла. В 1948 году пришел я учеником в его бригаду. Сразу после семилетки. Начал работать и понял — это навсегда. След в след за отцом шел. Он мог с завязанными глазами по тундре ездить, зная, куда стадо гнать, где ягельники лучше, где места есть, зимой от ветра защищенные, летом, чтобы, наоборот, ветерок был—от мошки спасение оленю. А какие он санки делал! Запрягал в нарты двух быков— ветер мог его только догнать! Хорошим был оленеводом, сознательным был...

Надо, наверное, хорошо знать тундру и тундровиков, чтобы понять эти слова — «сознательный был». Счастлив Сидор Алексеевич оттого, что хоть и недолго, но довелось брать горячие угли опыта — и производственного и житейского— из отцовского очага. Из рук в руки передал старый Алексей Гурьевич отшлифованный мозолями хорей сыну. Знал: будет толк, сбережется честь, умножится слава.

Вот так же теперь передает этот опыт, запас накопленных десятилетиями столь необходимых в тундре наблюдений и примет сам Сидор Алексеевич сыну Сергею.

По показателям бригада Чуприна в районе лучшая. Так уж сложилось, что стали три домика-балочка на реках Джекунья, Черкесе да Чо-лур вроде кузницы пастушеских кадров. Каждый год меняются молодые пастухи, ума-разума наберутся в бригаде Чуприна и — кто на самостоятельную работу, кто на повышение. А у Сидора Алексеевича — снова необстрелянная молодежь. И фронтное это словечко как нельзя лучше отражает существо дела. Ведь по условиям, в которых приходится работать оленеводам за семьдесят второй параллелью, их линия — передовая на трудовом фронте.

— Потому и трудно,— говорит Чуприн,— бригада ведь обыкновенная, тут и пятерым опытным пастухам подолгу спать не пришлось бы. У меня же — молодежь. Хорошо вот, сын с полуслова меня понимает. Двадцать ему лет. Но отслужит в армии, я знаю, по моим стопам пойдет. Мой у него характер. «В оленеводстве,— говорит,— работать хочу. А в армии постараюсь специальность механизатора получить, тракториста».

— Как это? Оленеводом или трактористом сын собирается стать?

Чуприн доволен. Ввел в заблуждение и хохочет.

— Оленеводом. И трактористом! Сергей, видишь ли, говорит, что не век

наши тяжелые балки олени таскать будут. Придет в тундру и механическая тяга. Вот тогда и понадобится оленеводу и профессия механизатора, и профессия электрика... Работаю же я, когда нужно, на рации, и никто этому не удивляется!

Словечко у него такое характерное есть — «понимаешь».

— Понимаешь,— говорит Чуприн,— нету у меня секретов. Ну, показатели, конечно, в бригаде высокие. Но секретов нет. А если и бывают, то я их отдаю, ну, делюсь, понимаешь? Как рыбой, мясом или чаем, когда ты, к примеру, в гости ко мне приходишь. Понимаешь?

Понятно и все же не можешь взять в толк, почему даже волки обходят стороной чупринское стадо? Совсем нет у него потерь от травежа. У соседей и слева и справа волчьи следы, а вокруг стоянки Сидора Алексеевича — чисто.

Он рассмеялся заразительно, откровенно:

— Так ведь волк, понимаешь, он больного оленя ищет. А у меня нету ни больных, ни слабых.

Мы посидели, помолчали. Подумалось: ну, хорошо, двадцать четыре часа в сутки работают. Ясно, если хочешь достичь высоких рубежей, сложа руки сидеть не будешь. Всегда вспоминается давний знакомый — кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции Антон Валентинович Мукто из Эвенкии. «Секрет у меня есть,— рассказывал он, выступая перед молодыми пастухами,— совсем простой секрет: рано встаю, поздно ложусь, меньше чая в чуме пью, больше в тундре за оленями слежу. Вот и весь мой секрет. Отдаю его вам, молодым. Уверен, возьмете в свою копилку — скоро обгоните меня...»

«Но ведь не хлебом единым...»

И, словно прочитав эти мысли, Сидор Алексеевич Чуприн, почувствовав, что пауза в нашем разговоре затянулась, сказал:

— Конечно, и свободное время бывает. Книжки читаем, радио слушаем. Транзистор-то, понимаешь, в каждом чуме теперь. Или вот—стихи...

И он вытащил из кармана своего модного пиджака томик стихов Огдо Аксеновой «Барак-сан»...

Впрочем, удивляться не стоит: у Чуприна хоть и семилетка всего, но в графе «образование» следовало бы написать: «семь классов плюс университет жизни». Да семья. Да друзья. При чем тут семья, спросите вы. А притом: сестры Чуприна— одна воспитателем в школе работает, другая — учительницей после окончания Ленинградского института имени Герцена, братья — один зоотехником в совхозе, другой — на советской работе в Хатанге. А друзья... Томик-то стихов Чуприну автором подарен. С Огдо Аксеновой они старые и добрые друзья. И у этой дружбы прочные корни — в юности, в комсомоле.

— Давно это было,—рассказала как-то Евдокия Егоровна Аксенова, член Союза писателей СССР,— давно это было, лет двадцать назад. Я приехала в Попигай работать, в Красный чум, учителем-библиотекарем. Вместе с оленеводческими бригадами кочевала по тундре. Сидор-то Алексеевич и тогда во всех добрых делах заводилой был. Помню, когда я агитировала оленеводов за учебник взяться, он со мной по всем бригадам проехал — авторитет у него, тогда еще молодого бригадира-комсомольца, непререкаемый был, впрочем, и был, и есть! В пятидесятые годы он выступил инициатором бесчумного выпаса: нелегко, взяв только самых крепких, самых выносливых пастухов, вел он оленей по сытным пастбищам от стоянки до стоянки. Победителем социалистического

соревнования постоянно выходил. Все его знали, но почин этот поддерживали немногие — не каждому был он по силам. Всегда, когда встречаемся с Сидором, вспоминаем эти годы. Тогда ведь я и стихи впервые слагать начала о тундре, о родной земле. Вот «Чай оленевода»—это стихотворение Сидору посвящено. Именно тогда, кочуя с его бригадой, я поняла, что нет краше нашей студеной земли, и нет ничего вкуснее долганского чая, заваренного с толокном...

Лауреат премии Красноярского комсомола, автор трех книг Огдо Аксенова. Депутат Верховного Совета СССР, руководитель комсомольско-молодежной бригады Сидор Чуприн. Две судьбы, озаренные светом партии Ленина, которая принесла солнце Октября в Таймырскую тундру, дала счастье бывшим кочевникам и их детям... Сидор Алексеевич раскрыл книжку на странице, где напечатано «Чай оленевода», и сказал:

— Я так думаю: оттого, что мы природу нашу уважаем и она уважает нас — все эти бесчисленные реки и речушки, озера и озерца, горы и редкие деревья. Может, оттого и работаем хорошо, что Родину любим, а она нас.

На бескрайних снегах попигайской тундры, в следах быстрой нарты, в крохотных листочках карликовой полярной березки, в звуках древнего долганского баргана увидела свои стихи Огдо:

Пусть покрыта моя голова сединой, Но и в стужу, когда у оленей рога От мороза трещат, как сучки под ногой, Вновь я в тундре...

По неведомым законам составляя буквы и слова, а слова в строки, слагает поэт свою песню. На ослепительно-белом снегу Заполярья олени упряжки оставляют голубые следы. И хозяин попигайской тундры, ее сын и труженик, кавалер ордена Ленина Сидор Алексеевич Чуприн слагает свою счастливую песню жизни длинными голубыми строчками бесконечного оленьего аргиша.

* * *

Закаты в Сындасско желтого цвета. Старожилы говорят — это к ветру. А ветрено здесь всегда. Неведомая сила гонит холодный воздух с моря Лаптевых в залив, разгоняет льды, и они медленно тают, очищая низовья Хатанги к середине июля, чтобы через месяц-другой снова пригнать шугу и лед.

Петр Николаевич Киргизов смотрит в окно и говорит:

— Во-он ту сопку видите? Балахтинской называется. По ту сторону залива расположена. Высотой с километр будет. А отсюда километров сто двадцать, однако, до нее. Сегодня хорошо ее видно, значит погода хорошая будет.

Мы ждем вертолета на Хатангу, и позарез нужна хорошая погода.

—Вы не спешите, чай попейте,— говорит Петр Николаевич.

—А сами-то, небось, тоже вертолета заждались? Вот-вот путина начнется. Торопитесь?

—Честно говоря, и да и нет,— отвечает Киргизов.— Конечно, пора на рыбалку отправляться, бригада хорошая подобралась. Ну, а нелетная погода для меня — возможность с семьей побыть.

И он начинает загибать пальцы — их не хватает: двенадцать детей у Петра Николаевича с Прасковьей Петровной.

А хозяйка тем временем наливает свежий, крепкий чай. Без чая какой в тундре разговор?

Прасковья Петровна говорит по-долгански, певуче, приятным грудным голосом:

— Э, старое что вспоминать! Я ведь и не знала, кто моим мужем будет — родители сами между собой договорились. Я, конечно, сказала отцу — никакой свадьбы не будет, мы комсомольцы, живем теперь по-другому, придет время — сама себе мужа выберу! А отец в ответ — что, мол, ты, дуреха, понимаешь, мы тебя за комсомольца и выдаем! Потом, когда я Петра увидела, не испугалась, не заплакала, а засмеялась, наоборот, как-то почувствовала, что все у нас миром будет...

Петр Николаевич пальцы загибал: Вера Дудинский сельхозтехникум закончила, стала фельдшером, Михаил заведует участком на Ха-тангской ветеринарной станции, Татьяна — студентка третьего курса Красноярского медицинского института, Петр — в рядах Советской Армии служит, Павел за десятилетку экзамены сдал, за учебниками сидит, собирается в мореходку поступать, Сергей восьмилетку закончил, у отца в тундру просится, решил промысловиком стать, Виктор, Оксана, Марина — школьники, к родителям из Хатангской средней школы-интерната на лето в гости приехали, а Алеша, Доминика и совсем маленький Николаша — дошколята, отца облепили доверчиво, в мой блокнот заглядывают...

— Вот оно — счастье мое, — обнял детей Петр Николаевич. — Вы спрашиваете, счастлив ли? Счастлив, да! Бывает трудно — государство помогает: пособие на ребятишек выплачивает, в интернатах их учит. Вот мечтаю все: собраты бы нам всем за одним столом, всей нашей семейной комсомольской организацией, я бы утонг настролял, мать обед бы праздничный сготовила, а со взрослыми и по чарке не грех выпить.

Я вам вот что скажу, — вступает в разговор Прасковья Петровна, — главное в семье — мир, покой да согласие. Легко мне жить с Петром, за четверть века грубого слова от него не слышала. А если ссориться — зачем жить вместе? Когда Золотую Звезду матери-героини мне вручали, подумала я, что награду эту мне только носить поручено, а дали ее нам обоим.

В парткоме совхоза «Арктический» рассказывали, что кавалер ордена Трудового Красного Знамени коммунист Петр Николаевич Киргизов досрочно пятилетку выполнил, а до конца десятой собирается и одиннадцатую перекрыть...

В суровые военные годы постигал Петр Киргизов азы ремесла охотника-тундровика. Постиг их и стал мастером.

— Юность моя комсомольская пришлась на трудные для страны времена. Однако слово «тыл» не подходит, чтобы о той работе рассказать. Был это фронт, трудовой фронт. Пока руки сетку держали, пока ноги по охотничьей тропешли — вахту стояли. Знали — каждый песец по том танком обернется, каждый килограмм рыбы силу бойцам даст... Я тогда комсомольско-молодежной бригадой руководил.

Петр Николаевич достал с книжной полки папку с документами, протянул выцветший от времени номер газеты «Советский Таймыр», 29 октября 1950 года газета писала:

«Именно в тяжелые годы войны росла и крепла окружная комсомольская организация. К руководству комсомольскими комитетами приходили юноши и девушки из местного национального населения — Агаша Аксенова, Христофор Чарду, Никита Катыгин и многие другие.

Высоко несет честь своих предшественников в эти дни комсомольско-

молодежная бригада Петра Киргизова из колхоза имени Калинина Хатангского района, выполнившая годовой план на 136 процентов...»

Не учрежден еще, к сожалению, диплом мастера-промысловика, и вручили Петру Николаевичу от имени Красноярского краевого комитета партии, крайисполкома, крайсовпрофа и крайкома ВЛКСМ диплом «Лучший мастер животноводства-76», а еще на лацкане пиджака знаменитого охотника висят серебряная и бронзовая медали ВДНХ СССР. Их он удостоен за эффективное использование на промысле белого песка капканов, пастей и других самоловов.

Хотя и эти награды не самые ценные для потомственного охотника, ветерана таймырского комсомола. «Что же тогда?» — спросите у его земляков и услышите в ответ: любовь и уважение односельчан. И еще говорили они, что богатый Киргизов человек. И шутя добавили:

— Скоро в Сындасско все Киргизовы будут...

Когда в совхозе «Арктический» справляют свадьбу и, собравшись за праздничным столом, желают молодым счастья, после традиционных слов «Совет вам да любовь!» обязательно добавляют:

— Живите, как Петр и Прасковья Киргизовы!..

Какие все-таки желтые в Сындасско закаты!

Как июньские пятна ягельников под крылом самолета. Огненные, как Золотая Звездочка матери-героини, которую хранит в укромном месте среди орденов и медалей мужа Прасковья Киргизова.

* * *

—Ночной туман наползает на Дудинку. Пурга белой ночи метет по молчаливым улицам. Майская пурга, кануна Дня победы 1979 года. Она метет, шальная и неожиданная, по улице Александра Матросова. Она рвет выбившуюся из-за форточки белую занавеску, как белый флаг, выкинутый врагами из пулеметной амбразуры. Резкий ветер поднимает подмерзший снег на площади перед кинотеатром «Арктика», гонит его, резко свернув, по улице Николая Островского. Выше, выше, за железнодорожную линию, к поселку Нефтяников, по небольшой улице Николая Багаева.

—...Это случилось 30 мая 1969 года. Над Озерной шли караваны диких гусей. Шли издали, перекликаясь гортанно в сквозном бездонном небе мая. Солнце переливалось в ручьях, играя малахитами льдов. Гуменники шли низко над землей. Увидев буровую, вожак еще издали повел косяк чуть выше, подальше от человеческих ружей, и над самой буровой птицы рванулись вверх. Земля взревела неистовым фонтаном. С тревожным криком уводил вожак стаю дальше на север. А там... Там, уже далеко внизу, около буровой металась люди.

—29 мая 1969 года на буровой вышке № 1 выдался трудный день. Ликвидировали сложную аварию, обрыв бурильных труб в скважине. Бригада спала тяжелым сном. Спали тяжелым сном буровики после установки очередного цементного моста. Те, кто месил тяжелыми резиновыми сапогами весеннюю грязь около буровых, знают, что это такое. Дежурила только аварийная вахта. В шесть часов утра задрожали вагончики буровиков, оглушительный рев необузданного газа разорвал тугую брезент тишины. Газовый выброс! В небо била струя газа со скоростью около 5 миллионов кубических

метров в сутки, невыносимая, чудовищная сила, заключенная в неуправляемой упругой стихии. Почти бесцветный газ превратился в мощный белый столб, из которого, как спички, вылетали бурильные трубы. Тысячи метров труб... Огромные куски мерзлоты, камни... Белый столб кучерявился буграми на высоте сорока пяти метров. Ребята кинулись к буровой. Необходимо было перекрыть газ превентором, но прежде всего закрыть задвижки выкидной линии. Около буровой скопился газ. Каждый вдох — смерть. Это знали все. Леонида Ивановича Цецулина оттащили без сознания к вагончикам — начальник нефтеразведки Цецулин бросился к вышке первым, следующим буровики спасли задыхающегося Григория Имануилова.

—Буровой мастер Николай Богаев крикнул, стараясь переорать несколько сотен реактивных двигателей:

— Ребята, вагончики оттащите! Оборудование!.. Может полыхнуть!..

—Бригада сжалась в кулак, где каждый палец знает свое место.

—Что же делать?! Думай! Думай, Богаев! Думай! Снять обшивку с нижней части буровой? Создать вентиляцию... Нет! Искра! Думай! Думай,

—Богаев! Начнешь снимать — в этом аду отравишь людей... Времени нет. Образуются грифоны вокруг скважины, А потом выброс кондуктора, кратер... Гибель вышки... Думай, Богаев! Думай! Ты прошел Сургут, Усть-Балык... Думай, ракетчик, думай, солдат! В двадцать восемь не умирают. Силенок хватит. Больше воздуха в легкие и в атаку... «Врешь, не согнешь! Только без паники, как в атаку...»

—Его отсутствие заметили минут через десять. Все были заняты делом. Когда Лев Леонидович Кузнецов добрался до устья скважины, он увидел Богаева, лежащего ничком, вцепившегося в штурвал задвижки. Он успел повернуть его три раза...

—Можно было бы обойти смерть. Не лезть на амбразуру азота, не качаться в тифу над шпалами какой-то узкоколейки...

—Приказ по тресту «Норильскнефтегазразведка» от 18 сентября 1969 года:

—«На Озерной площади, спасая буровую вышку, погиб мастер, комсомолец Николай Богаев. Он выполнил долг, как подсказало ему сердце. В связи с происшедшим приказываю:

—Впредь именовать Озерную площадь Богаев-ской. Внести настоящее изменение во все геологические карты и схемы треста. Поставить в известность об изменении названия все заинтересованные организации Советского Союза.

—Навечно занести имя Николая Богаева в списки его бригады.

—Приказ согласован с партийной, комсомольской и профсоюзной организациями».

—Все дальше и дальше к древнему горному массиву тундры идут в поисках газа и нефти геологи Заполярья, и вместе с ними незримо, за чашкой тундрового чая, и в напряженной вахте около вздрагивающих в работе буровых, и в звенящих вертолетах присутствует простой, спокойный и шустрый двадцативосьмилетний парень Николай Богаев.

—Он и сейчас на буровой... Сидит и слегка застуженным голосом говорит братве:

— Ничего, ребяташки, все в норме! Нефть будет. Нефть фыркнет! Без

дела не сидели — двадцать газовых и газоконденсатных месторождений раскупили миллиарды кубометров голубого топлива... Тоже солидно звучит. Будет нефть, ребята, это говорю вам я, Колька Богаев... Будет настоящая нефть!..

—Метет шальная майская пурга по улице Александра Матросова, по улице Николая Островского. Переметает железнодорожную линию, рвется к поселку Нефтяников и дальше по Таймыру, на мгновение остановившись белым пламенем памяти на улице Николая Богаева...

* * *

—«Прошло два года со времени подвига Люды Андреевой. Комсомольская организация Дудинского зооветеринарного техникума просит вышестоящие комсомольские органы ходатайствовать .. присвоении Л. Андреевой высшей комсомольской награды — занесение ее имени к Книгу

Почета Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи посмертно...»

(Из протокола заседания комитета комсомола от 27 мая 1979 года).

...Крутым двадцатиметровым обрывом взлетел енисейский берег у Ворогово. Крепко стоит село. Тесовые двory, ладно сработанные бревенчатые избы. Деревянные тротуары тихо поскрипывают ранним утром, когда спешат доярки на ферму.

Два года назад приехала сюда Люда Андреева, закончила техникум.

— Да что вы! — говорила она директору госпромхоза.— Не могу я заведующей. Мне и все го-то двадцать один год...

— Вот и отлично! — уговаривал директор.— Самое время. Комсомолка?

—Да.

— Вот и будет у нас на ферме комсомольско-молодежный коллектив! Словом, бумаги — секретарю и — за работу!

Ох, и тяжело же пришлось на первых порах. Кормов не хватало, дойка была ручной, старый коровник самим приходилось латать, новый еще только стены подымал. Она не ходила к директору, не жаловалась — сама управлялась. Из тех людей была Люда, которые не умеют докладные да жалобы писать — сама и доярок подменяла, когда болели, и со скотником коровник чистила, а чего не получалось — от сна отрывала часок, другой, учебники, что из техникума захватила, перелистывала.

Была она обыкновенной, самой обыкновенной девушкой. На танцы ходила, с подружками шепталась, стихи в альбом переписывала, жениха из армии ждала, любовалась енисейским раздольем, голубизной неба, таежным разнотравьем. Она любила жизнь: и первую ярко-зеленую травинку весной, и своих буренок на ферме, и смешных тонконогих телят, появившихся в мае на свет.

Телятник загорелся ночью 27 мая.

— Алексеевна! — стукнули ей в окно.— Старый скотный двор горит!

Крыша еще только занималась оранжевыми языками, когда она по одному оттаскивала испуганных, непослушных телят в тамбур. Никто не знал, что она — внутри здания. Уже выскочил, разбив окно, скотник и бросился к луже, чтобы сбить пламя с горящей фуфайки и брюк. Уже люди отошли на десятки метров от нестерпимого жара разгоревшихся бревен. Уже пламя охватило всю постройку, превратив ее в огромный, осветивший полсела костер.

Шестнадцать телят из сорока удалось вытолкнуть Люде из огня. А потом все увидели, как от пламени отделилась фигура оброгевшего человека, который сделал несколько шагов и упал...

— Спасти! Может быть, можно спасти!

Главный инженер госпромхоза Эдуард Николаевич Колинчасик, прикрывшись куском брезента, бросился к лежащему на траве человеку, оттащил бездыханное тело в безопасное место. В изуродованном лице никто не мог узнать ни одной знакомой черточки... Жив ли? Дышит ли?

—Только тихо ахнула толпа, заголосили бабы, «огда шевельнулись на обугленном лице живые тубы и далекий голос, похожий на стон, произнес:

— Не узнаете меня? Я... Люда... Андреева...

Она жила еще несколько часов. Она жила еще

—несколько часов, не теряя сознания до последнего своего мига. Врачи были бессильны ей помочь. На теле не осталось живой кожи. Она жила еще несколько весенних майских часов наедине с нестерпимой болью. Не плакала, не сломала, только попросила глоток холодной воды. Глоток ледяной воды. Из Енисея... Может быть, ав тот последний свой миг увидела Люда голу-вые торосы, что разбиваются в серебряные иглы, когда неумолчно шумит ледоход в Дудинке? Или привиделись ей маленькие, алые цветы княженики в утренней холодной росе?

—Автобиография Люды Андреевой. Она осталась в ее личном деле в конторе госпромхоза. Полстранички текста, написанного округлым «школьным почерком.

—«Я, Андреева Людмила Алексеевна, родилась а июне месяце 1954 года в селе Бородино Туруханского района. Окончила 8 классов. Поступила в 1972 году в Дудинский зооветеринарный техникум и четыре года спустя завершила курс обучения. Вступила в комсомол в 1973 году. Родители, Андреев Алексей Кириллович и Теркина Валентина Ивановна, живут в селе Верхне-Имбатском...»

—Классный руководитель Люды, преподаватель техникума Тамара Павловна Шукшина протянула нам фотографию:

— Вот здесь, в центре, Люда.

—Милое, юное лицо. Светлые пышные волосы вьются большими мягкими кольцами. Сосредоточенная, симпатичная девушка. Она словно задумалась о чем-то, опустив глаза.

—Что может рассказать любительское фото?

— Она была внимательной и трудолюбивой,—сказала Шукшина,— я думаю, это объяснимо. Люда выросла в большой семье, ей приходилось постоянно помогать маме по дому. Вот эту заботу, постоянную готовность прийти на помощь она перенесла потом на своих подруг по техникуму. Учиться ей было трудно. Школьная подготовка у Люды была не очень сильной. Она была совершенно обыкновенной. Уверена, что в основе Людиного подвига лежит человеческая доброта. Она всегда отличалась чувством любви ко всему живому. И вот эта серьезная девочка, любящая жизнь, смогла совершить этот героический поступок — бросилась в огонь за живыми существами, за телятами, не пощадив собственной жизни...

Ни Тамара Павловна Шукшина, ни секретарь комитета комсомола техникума Татьяна Арзамасцева не смогли вспомнить, чтобы Люда Андреева чем-то выделилась, сделала бы за годы учебы в техникуме что-то особенное,

совершила что-то необыкновенное.

Вот разве однажды на Ленинском уроке Люда отвечала не по бумажке, как большинство ее однокурсниц, не по брошюрке, а так, своими словами.

— Папа у меня был фронтовиком,— сказала тогда Люда,— и он всегда учил меня жить так: какую бы работу тебе ни поручили, надо отдать ей всю себя, без остатка. Быть честной перед товарищами, а главное — перед самой собой...

У комсомола семидесятых годов есть герои. Конечно, и это закономерно,— их подвиги восходят к звезде, вырезанной на груди Виталия Бонивура, к мертвым глазам Николая Островского, к пулемету, захлебнувшемуся кровью Александра Матросова...

Комсомольцы семидесятых... Хлебороб Анатолий Мерзов. Летчик Юрий Козловский. Солдат Рефкат Миркагизов. Студент Михаил Морозов... И рядом с этими именами по праву пишем мы имена таймырских комсомольцев — бурового мастера Николая Богаева и животновода Люды Андреевой.

— Мы понимаем всем сердцем,— сказала комсорг техникума Арзамасцева,— что человеческая память — высшая из посмертных наград. В нашей комсомольской организации не найдется юноши или девушки, которые бы не знали о подвиге Люды. Ребята борются за право называться группой имени Люды Андреевой. И сегодня это соревнование живет и действует. И мы стараемся сделать так, чтобы техникум, где Люда жила, училась, работала, каждый день ее помнил...

Долгих девять месяцев длится зима на Таймыре. Вьюжная, жестокая, темная. Но приходят белые ночи и первое тепло, звонкие ручьи и незаходящее солнце, тают немеряные снега, наполняя прозрачной голубой водой озера и реки, приходит в тундру и тайгу жизнь во всем ее многоцветье и разноликости. И тогда, очерчивая начало полярного лета, вспыхивают в тундре то тут, то там маленькие алые цветы — это зацвела неприметная с виду княженика, значит, ожила земля! Значит, жизнь в тундре набрала могучую, непоборимую, животворную силу.